

— Чи Е, тут есть один каверзный персонаж, сыграй-ка ты.

— Чи Е, сюда! Живее, изобрази избалованного мажора, импровизируй.

— Чи Е, следующая сцена, безумный князь...

— Чи Е...

В перерывах между съемками юноша снял тяжелый парик, небрежно вытер влажный от пота лоб и поднял взгляд на пронзительно синее июльское небо. У него были очень красивые глаза — светло-янтарные, в лучах солнца они отливали ярким и твердым блеском, словно драгоценные камни, но сейчас их скрывала прилипшая от пота челка.

Тройная жара только прошла, и это были самые знойные дни в году. В полдень даже цикады на деревьях притихли от жары. Но у Чи Е не было времени даже передохнуть и вытереть пот. Он жил в этом киногородке уже несколько месяцев и успел перезнакомиться со многими съемочными группами. Режиссеры звали его, когда требовалось сыграть второстепенную, но сложную роль: он был талантлив, мог воплотить любой образ, к тому же был трудолюбив и никогда не жаловался.

Принцип Чи Е был прост: больше ролей — больше денег. Он хотел лишь одного — заработать много, очень много денег, чтобы расплатиться с долгами, оставшимися от родителей, и начать жить так, как мечтал: иметь уютную спальню, чистую кухню, не спеша наслаждаться трехразовым питанием, забрать к себе тех двоих бездомных котов, которых он постоянно подкармливал внизу, и по кусочкам собрать свой разрушенный когда-то дом.

У Чи Е было столько планов, но, к несчастью, всему этому не суждено было сбыться — все оборвалось в один душный, томительный летний полдень. На площадке случилась авария. Облаченный в тяжелые доспехи, он не успел выбраться из огненной ловушки, и клубы густого дыма вместе с нестерпимым пламенем поглотили его.

Когда сознание вернулось, Чи Е почувствовал, что все тело ноет, а голова готова расколоться от боли. Он помнил последние мгновения перед потерей сознания: жаркое, пляшущее пламя, охватившее его со всех сторон, волны зноя, опаляющие лицо, словно щупальца самой смерти, сжимающие его в своих тисках. Он был уверен, что погибнет и превратится в горстку пепла, но, оказывается, его спасли.

Чи Е попытался пошевелиться, чтобы понять, в каком он состоянии, но веки казались тяжелыми, как свинец, и не открывались. Он хотел что-то сказать, но горло будто залили расплавленным металлом — оно пересохло и горело от боли. Пытаясь прийти в себя, он прокручивал в голове обрывки мыслей: интересно, считается ли это производственной травмой и оплатит ли съемочная группа его лечение? Если придется платить самому, лишь бы врачи не использовали слишком дорогие лекарства — денег у него осталось немного, едва хватит на оплату аренды жилья на ближайшие три месяца. По ощущениям, травмы были не такими уж серьезными, так что, как только он очнется, сразу попросится на выписку.

Пока мысли беспорядочно роились в голове, он внезапно услышал звук открывающейся двери.

Затем последовал молодой, нетерпеливый мужской голос:

— Всех разогнали?

Ему ответил серьезный, старческий голос:

— Все ушли.

— А мой двоюродный дядя?

— Ушел последним.

— Хм. — Раздался насмешливый смешок.

— Уже глубокая ночь, молодой господин, не желаете ли отдохнуть?

— Нет.

Шаги приблизились и замерли рядом с Чи Е. После короткой паузы раздражение в молодом голосе усилилось:

— Почему он до сих пор не очнулся? Что сказал доктор Чжоу?

— Удар был довольно сильным... думаю, скоро придет в себя.

Голоса звучали совсем близко, словно прямо у него над ухом. Это вызвало странное ощущение: казалось, эти двое обсуждают именно его. Но ведь он совсем не знал этих людей.

Чи Е, преодолевая головную боль, сосредоточился на звуках. В комнате стояла такая тишина, что было слышно пение птиц за окном. Кроме них троих, никого больше не было. И в тот момент, когда Чи Е пытался понять, что происходит, он почувствовал, как его подбородок сжали холодные пальцы. Грубо повернув его голову в сторону, голос скомандовал:

— Просыпайся.

От боли в челюсти Чи Е перехватило дыхание, но ужас оказался сильнее боли. Что происходит? Эти двое пришли за ним? Где он? Кто они такие? Он жив или мертв?

Чи Е отчаянно хотел понять ситуацию, но глаза никак не открывались. Старческий голос посоветовал:

— Не торопитесь, молодой господин.

Однако рука, сжимавшая его подбородок, не разжалась. Через мгновение старик снова спросил:

— Как вы намерены с ним поступить?

— Поступить... — Чи Е почувствовал, как пальцы сжали его еще сильнее, так, что, казалось,

кости вот-вот сместятся. — Этот смельчак посмел подсыпать яд в мой, Гу Цунчжоу, напиток. Столь безрассудную тварь нужно хорошенько проучить... Интересно, что лучше: искалечить его или сгноить в темнице до конца дней?

Голос звучал лениво, с растянутыми интонациями, но в нем сквозила такая ледяная жестокость, что в душе Чи Е поднялась буря. Это сон? Это определенно сон! Когда это он успел кому-то подсыпать яд?

<http://bllate.org/book/19078/1873643>